

никовъ французскаго реализма и натурализма... душа покорнаго Каратаева, совершившаго такой переворотъ въ міросозерцаніи Пьера Безухова, душа Федора, бесѣдующаго съ Левинымъ и дающаго барину совѣтъ—*не жить для себя, а для Бога*... да, наконецъ, и душа самого барина, жадно ловившаго простыя и вѣчно живыя слова Федора, барина, сказавшаго себѣ: *остается только любить и вѣрить*...

Эти простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочныя души, такъ геніально обрисованныя русскимъ художникомъ, заставили надъ многими призадуматься сторонниковъ экспериментальнаго изслѣдованія фактовъ.

Вогюэ медленно и съ большими перерывами читалъ и перечитывалъ „Войну и Миръ“ и другія произведенія Толстого. Впечатлѣніе, по его словамъ, все усиливалось: онъ поработался властью этого таланта, искалъ Толстому какихъ-нибудь аналогій въ другихъ литературахъ, но ни съ чѣмъ не могъ сравнить, и большинство извѣстныхъ французскому критику романовъ казалось ему ложными, скучными, слабыми ¹⁾.

Вогюэ познакомился съ „Козаками“ и пришелъ къ заключенію, что уже этою повѣстью въ сущности открывается новая эра въ русской литературѣ: здѣсь замѣчается окончательный разрывъ русской поэтики съ байронизмомъ и романтизмомъ, разрывъ въ самомъ центрѣ той цитадели, въ которой лѣтъ тридцать, какъ окопались эти власти—романтизмъ и байронизмъ. Въ теченіе первой половины девятнадцатаго вѣка Кавказъ былъ для Россіи страной авантюръ и грезъ; всѣ разочарованные, всѣ игравшіе въ Чайльдъ Гарольда, устремлялись сюда... Къ этимъ горамъ устремляется и Оленинъ, источенный цивилизаціей; онъ разстается съ своими прежними мыслями. На Кавказѣ на смѣну лирическимъ видѣніямъ, посѣщавшимъ старое поколѣніе, является философскій взглядъ на душу и на окружающую ее дѣйствительность, и передъ Оленинымъ открывается новый моральный міръ. Въ этомъ рассказѣ, по мнѣнію Вогюэ, у Толстого все живетъ: степь, лѣса, горы; они живутъ такую

¹⁾ Le Roman russe.